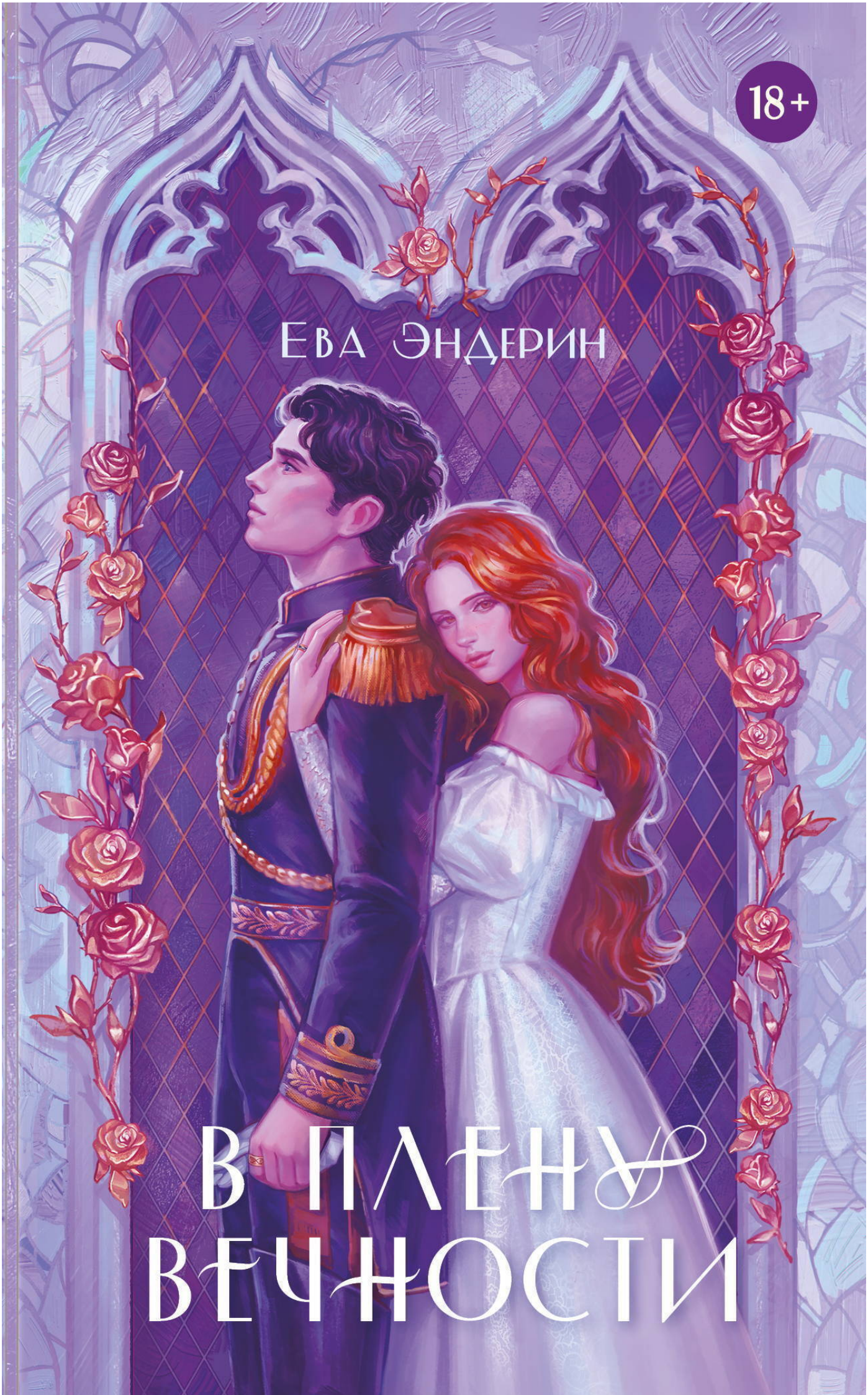
18+

Ева Эндерин



В плену вечности

Sugar Love

Ева Эндерин

В плену вечности

«Издательство АСТ»
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Эндерин Е.

В плену вечности / Е. Эндерин — «Издательство АСТ», 2026 — (Sugar Love)

ISBN 978-5-17-188826-8

В Аурелии власть держится на золоте и старом законе: нельзя стать королем, если у тебя нет королевы. Наследный принц Теодор Аурен с рождения привык скрывать о себе все, но его главная тайна — зверь, что просыпается в нем каждое полнолуние. Фиктивный брак, задуманный, чтобы посадить его на трон, внезапно оказывается опаснее любого проклятия. Ведь невеста отказывается бежать, даже когда узнает его настоящего. Энн Хемсворт всю жизнь была расчетлива и цинична. Сделка, в которую ее втянул отец, казалась простой и логичной: выйти за принца, а затем тихо развестись. Но красавчику Аурену мало подписанных бумаг — он хочет залезть к ней в душу. Трон шатается, фиктивный брак трещит по швам, а зверь рвется наружу. Но когда циничная сделка уступает место истинной страсти, свобода теряет цену. И то, что начиналось как игра, оборачивается для них обоих сладким пленом длиною в вечность.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-188826-8

© Эндерин Е., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Плейлист 6
Пролог 7
1 8
2 15
3 23
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Ева Эндерин
В плену вечности

© Ева Эндерин, текст, 2026
© Frabel, иллюстрации, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Выходит, больше всего на свете ты боишься страха. Это похвально.
Дж. К. Роулинг, «Гарри Поттер и узник Азкабана»

Тем, благодаря кому я не боюсь быть настоящей.
Моим родителям.

Плейлист

killing time – Kate Peytavin
West Coast – OneRepublic
House of Balloons / Glass Table Girls – The Weeknd
Love You Like a Love Song – Selena Gomez & The Scene
In My Veins – Andrew Belle
make you mine – Madison Beer
Попрошу тебя – MONA
Born to Die – Lana Del Rey / Born to Die (Symphony Orchestra) – Antonin Charvat
Everybody Wants to Rule the World – Lorde
Dark Times – The Weeknd, Ed Sheeran
Lose Control – Teddy Swims
Power – Isak Danielson
You Put a Spell on Me – Austin Giorgio
Closer – Nine Inch Nails
back to friends – sombr
Hurts Like Hell – Tommee Profitt, Fleurie
Sign of the Times – Harry Styles
Let Me Love You – Ariana Grande, Lil Wayne
If You Love Her – Forest Blakk
I Wanna Be Yours – Arctic Monkeys
Ordinary – Alex Warren
Die With A Smile – Lady Gaga, Bruno Mars

Пролог

Волей королей минувших, с согласия Первого Королевского Золотого Совета, Мы, Лукреций Первый Аурен, Король Аурелии и Хранитель Золотого Завета, постановляем и подтверждаем следующее:

Наследником Нашего престола по праву рождения становится старший сын Наш, Теодор Первый Аурен, вступающий во владение после смерти Нашей или в случае добровольного отречения по состоянию здоровья. Если же мужская линия рода Аурен будет пресечена, право наследования переходит к тому, кого выберет Золотой Совет, как установлено древним правилом и утверждено печатью короны с согласия мирного народа Аурелии.

Чтя договор, заключенный между Первым Королем Аурелии и Древним Банковским Союзом, подтверждаем: престол Аурелии может быть унаследован лишь тем, кто вступил в законный брак, дабы соблюдалась преемственность Завета и сохранялось доверие народа.

Fides in Auros, Regnum in Fide[1]

Под печатью короны,
Его Величество
Лукреций Первый Аурен

[1] Вера в золото – держава в вере *(лат.)*.

1
На вершине лжи

Энн

– Внимание. Начинается посадка на рейс BA1237 авиакомпании «Бритиш Эруэйс» до Эрариума. Просим пассажиров…

Энн ненавидела людей. Особенно здесь, в переполненном Хитроу.

Она понятия не имела, как герои голливудских мелодрам умудрялись находить в себе силы на признания в любви посреди этого ада. В реальности, когда тебе отдавили все ноги, а в воздухе стоит удушливая смесь чужого пота и дешевого парфюма, последнее, чего можно ждать, – это предложения руки и сердца. Романтика в аэропортах казалась Энн самым живучим и глупым стереотипом на свете. И она точно не собиралась становиться его частью.

Из-за бегущих мимо путешественников Энн едва расслышала диспетчера. Хорошо еще, что маниакальная привычка приезжать в аэропорт за три часа до вылета сегодня сослужила добрую службу – в метро творился настоящий хаос. Кто бы мог подумать, что утренние рейсы вызовут ажиотаж похлеще, чем пятничный час пик. Несчастный поезд линии «Пикадилли» еле полз, забитый бесконечным потоком чемоданов и их суетливых владельцев.

Обычно она успевала купить кофе и прихватить любимое банановое пирожное в пекарне, но сегодня все пошло наперекосяк. Энн едва хватило времени, чтобы выудить бутылку воды из автомата, перед тем как вклиниться в толпу и устремиться к нужному выходу.

– D6… Это D5… А там уже D7, – пробормотала она, растерянно оглядываясь. – Где же ты, родной?

К счастью, большинство ее нервных клеток не успело пасть смертью храбрых, и за следующим углом наконец показался нужный гейт с гигантской очередью. Крепче сжав ручку

дорожной сумки, она продолжила путь, будто ее совсем не волновало долгое стояние на каблуках. В любом случае винить Энн в этом испытании должна была прежде всего себя.

Препираться с отцом вообще было ее привычным занятием – а он, кажется, считал это особым видом спорта, – но сейчас Энн чувствовала себя откровенно проигравшей. Он ведь всего лишь хотел купить ей место в бизнес-классе, но она упрямо отказалась от его предложения. Отшутилась, бросила в ответ что-то про страх богатых перед бедностью и напомнила, что сама в силах купить себе билет на самолет. Ей было двадцать пять, но рядом с ним она неизменно превращалась в свою не самую сговорчивую шестнадцатилетнюю версию – ту, что любит отца, но до сих пор не умеет принимать заботу и почему-то уверена, что правильнее будет справляться самой.

Теперь, стоя в хвосте этой унылой колонны из чемоданов и усталых лиц, она тихо ненавидела собственную принципиальность. Отец ведь хотел как лучше, и было глупо сравнивать его со звездами, чьи частные джеты выбрасывали углекислого газа примерно в тысячу раз больше, чем все пассажирские самолеты в какой-нибудь небольшой европейской стране, вместе взятые.

Не обращайте внимания на анализ. Он ее всегда успокаивал.

– Кому понадобилось столько охраны?

Она перестала сверлить взглядом циферблат наручных часов и невольно погрузилась в диалог двух светловолосых девушек, стоящих впереди.

– Знаменитость?

– Наверняка какой-то актер.

– В Аурелии разве снимают фильмы? Я думала, только спонсируют.

– О, боже, я поняла, кто это! – проигнорировав скепсис подруги, заявила блондинка повыше.

– Нас сейчас выгонят из очереди. Хватит трястись.

– Говорю же тебе, это Мэтт Бомер!

– Кто?

Действительно, кто?

– Красавчик из «Белого воротничка».

Энн не удержалась и тоже посмотрела туда, куда уставились две болтушки. Вдоль черной ленты, отделяющей «элиту» от остальной толпы, двигался высокий стройный мужчина с темно-каштановыми волнистыми волосами, которые слегка ниспадали на лоб и задевали верхний ободок рамы солнцезащитных очков. Всем же известно: хочешь остаться незамеченным – носи в помещении очки с темными стеклами.

Ну что за придурок.

– Да-да-да, я уверена почти на сто процентов, – продолжила ликовать от своей догадки девушка в очереди.

Незнакомец прошел мимо них спокойно, с той ленивой уверенностью, которая всегда раздражала Энн в людях, привыкших к вниманию. Его плечи были расправлены, а линия челюсти приподнята. За ним по пятам следовали двое охранников. Массивные, как шкафы, они при необходимости могли бы разорвать любого в очереди с той же легкостью, что и бумажную салфетку. Один – с коротко стриженными волосами и шрамом на затылке, а другой – с растрепанными светлыми волосами и квадратной челюстью, которую было почти не видно за ухоженной бородой. Они явно считали, что могут тягаться по крутости с людьми в черном, но выглядели скорее как Чип и Дейл на стероидах.

– Не смотрела твоего «Воротничка», и, видимо, зря. Задница у него что надо.

Энн позволила себе скользнуть взглядом по обтянутым брюками мужским ягодицам. И черт, ладно, болтушки оказались правы: зад у него действительно был отменный. Сам мужчина не смотрелся ни перекачанным, ни излишне худым, к тому же его идеальную фигуру подчеркивал костюм, стоивший примерно как годовая зарплата среднего офисного клерка.

Неужели и правда знаменитость?

Хотя… странно. Аурелия никогда не была известна как родина популярных актеров. Страна существовала за счет своего золотого фонда, а не культурного развития. Корона веками охраняла сбережения всей Европы и даже сейчас оставляла швейцарским банкам и кипрским офшорам жалкие крохи от счетов бизнесменов и политиков.

Конечно, жители Аурелии любили развлечения, особенно театры, но скорее из-за своей старомодности, чем из страсти к искусству. Настоящих звезд там не было. Разве что редкие приглашенные актеры из Голливуда, чьи визиты обязательно освещала пресса. При этом так часто, как про эту страну, в газетах не писали, пожалуй, ни об одном месте в мире. Неизвестно, что манило журналистов больше: загадочная история основания государства золотоискателями или самая древняя непрерывно существующая монархия в Европе, а может, таинственная фигура принца, которого с самого рождения скрывали от всего белого света.

Но великий секрет должен был вот-вот раскрыться: скоро весь мир наконец увидит, как выглядит следующий король Аурен. А Энн даже станет его женой.

Ой, вы же еще не в курсе…

– Ваш билет, пожалуйста, – отвлекла ее от размышлений сотрудница аэропорта.

Поправив длинные рыжие волосы, Энн передала ей свой паспорт и посадочный:

– Держите.

– Хорошего полета, – дежурно произнесла девушка, но почему-то из ее уст это прозвучало как зловещее предзнаменование.

Конечно, Энн могла просто переволноваться из-за скорой встречи с женихом, однако интуиция еще никогда ее не подводила.

Словно по сценарию, с первых же минут в самолете у нее начались неприятности. Сначала ее посадили в первый ряд у прохода – это означало, что все желающие посетить уборную непременно истопчут ей ноги, ожидая своей очереди. Затем ее соседом оказался мужчина за тридцать в футболке со значком «Ордена джедаев» на груди и маниакально горящим взглядом. Она ничего не имела против гиков, но когда он закидывал на полку рюкзак, то чуть не изрезал ее щеку своими разноцветными значками с супергероями.

И все было бы сносно, если бы ее многострадальный сосед не решил подтвердить свою неуклюжесть сразу же после взлета и не опрокинул на нее стакан апельсинового сока – вместо того чтобы поставить его на раскладной столик, как все нормальные люди.

– О, господи, извините! – тут же воскликнул он, но рост оранжевого пятна на ее брюках было не остановить его джедайской магией.

– Ничего, – терпеливо выдохнула Энн и уже хотела подняться с места, чтобы исправить недоразумение в туалете, но сосед не придумал ничего лучше, чем начать лично вытирать ее брюки салфетками.

Он беспрепятственно коснулся ее бедра, после чего принялся повторять движение снова и снова. Энн не смогла остановить его сразу и теперь неминуемо превращалась в камень. В одно мгновение внутри что-то щелкнуло, и воздух попросту перестал проникать в легкие. Они сжались до наперстка, и даже после того, как грудь дернулась, желанного вдоха не последовало.

Пальцы, успевшие сжать ремень безопасности, онемели, а по рукам, будто кровь в венах решила разом заледенеть, прокатился колючий холод. Энн приоткрыла рот в безуспешной попытке втянуть хоть немного воздуха, но горло уже перехватило так, словно его затянули узлом перед повешением.

Салон самолета поплыл перед глазами. Звук двигателей ушел далеко на задний план, предоставляя место паническому стуку бешеного сердца.

Она почувствовала мужские пальцы на мокрой ткани брюк чуть выше, чем прежде, и внезапно тонкая ниточка, что шла по всей длине ее позвоночника и дрожала, торжественно оборвалась.

– Хватит! – сорвалось с ее губ громче, чем она ожидала. – Не трогай меня!

Мужчина так и замер с мятыми салфетками в руках. Он выглядел испуганным и дезориентированным и явно не желал причинить ей дискомфорт.

Этот инцидент – полностью его вина. Не ее, но, черт подери, так происходило всегда, когда ее трогали в интимных местах, и да, у нее этих мест было больше, чем у психологически здоровой девушки.

Подскочив с места, Энн судорожно кинулась к туалету. Мудреная ручка поддалась только со второго раза, зато вода из-под крана оказалась нужной – ледяной – температуры. Энн намеренно не смотрела на себя в зеркало, потому что знала, кого там увидит: свою жалкую копию. Красные глаза, мокрые красные щеки, дрожащие губы. Кому нужна армия психологов, нанятая отцом, если никто из них так и не смог пристрелить в ней это слабое существо?

– Ты в порядке, – вслух произнесла она. – В порядке. Это сок, он вытирал сок. Он тебя не трогал.

Фактически прикосновения были, да, но не такие безумные, какими их мгновенно окрестил ее мозг. Главное сейчас – не давать фантазии волю. Паника как сорняк: стоит ей пустить корни – и она разрастается с пугающей скоростью, поражая все здоровое. Нужно вовремя вырывать ее с корнем, а лучше сразу сжигать дотла.

Шум в голове немного стих, и она увидела перед глазами простой пример в столбик.

– Сто сорок семь умножить на девять. Тысяча триста двадцать три.

Счет – это то, в чем Энн не было равных. Ее объективный плюс и главная причина гордости отца. Психопатки не оканчивают с отличием Лондонскую школу экономики и политических наук и не пишут научные статьи, которые затем печатает «Сайнс», так ведь же?

Она застонала, возвращаясь к цифрам.

– Шестьдесят девять на сорок пять… – Энн вдохнула полной грудью. – Три тысячи сто пять.

Оторвавшись от крошечной раковины, она смогла наконец выпрямиться.

– Девяносто два на тридцать один. – Шестеренки в голове крутились с прежней скоростью и молниеносно выдали ей ответ: – Две тысячи восемьсот пятьдесят два. Вот видишь? Ты молодец.

Она-то молодец, но на брюках застыло пятно от апельсинового сока. Король Аурелии и его свита будут в диком восторге от такой невесты.

– Я ваш единственный вариант, король Лукреций. Вы же слышали про кота в мешке?

Безрадостно усмехнувшись собственной шутке, она вытерла руки бумажными полотенцами и наконец вышла из уборной. Возвращаться к незнакомцу, который из-за ее крика едва не поседел, совсем не хотелось, но выбора, увы, не было.

– Извините, – раздался со стороны бизнес-класса мягкий мужской тембр. Та зона в самолете во время полета была закрыта шторкой, но когда Энн обернулась, то вдруг увидела его.

Тот самый высокий брюнет, которого обсуждали девушки при посадке, стоял в жалком метре от нее. С одним лишь изменением: теперь на нем не было очков. По всей видимости, он носил их совсем не для скрытности – просто пытался добросердечно уберечь людей от случайного воздействия своего гипнотического взгляда.

Говорят, независимо от внешности у человека всегда будут красивые глаза, но его… Энн в жизни не видела глаз прекраснее. Насыщенно-голубые радужки, почти синие, с темным ободком у края и чарующим блеском черных зрачков внутри. Она не успела толком рассмотреть его лицо, но после этого мгновения сомневалась, что хоть когда-нибудь увидит нечто столь же совершенное. Ниагарский водопад больше не казался ей таким уж величественным. Атлантический океан? Подумаешь, уникальные рифы. Пингвины? Простите, пингвины, но даже вы не настолько хороши.

– Поэтому я хотел пригласить вас к себе, – закончил говорить он, однако Энн благополучно все прослушала.

Жалела ли она об этой нелепости? Почему вы вообще спрашиваете?

– Что вы сказали?

Незнакомец улыбнулся, и она увидела его ямочки. Ямочки, будь они прокляты. Он вообще реальный?

– Рядом со мной свободное место. Я поговорил со стюардессой – она не возражает, если вы пересядете ко мне.

Края ушей Энн вспыхнули ярче сверхновой. Ну естественно, она же орала, как мандрагора, на весь самолет. Почему бы сразу не связать и не спрятать ее в багажном отделении ради безопасности других пассажиров?

– Я не платила за бизнес-класс.

– Прошу, – искренне произнес он. – Лететь осталось около часа.

Она провела в уборной больше времени, чем планировала, и теперь продолжала стоять в проходе, изображая недотрогу. Добавьте сюда пятно на штанах – и можно навсегда забыть о чувстве собственного достоинства.

– Ладно, – нехотя согласилась Энн.

– Отлично, – просиял незнакомец, ослепляя ее ровным рядом белых зубов.

Точно актер. Только их могла настолько заботить собственная внешность.

Она забрала с верхней полки сумку и пальто, старательно игнорируя виноватый взгляд своего бывшего соседа, и присоединилась к мужчине, который уже придерживал для нее шторку.

Бизнес-класс – абсолютно переоцененная вещь, но глупо отрицать, что здесь было гораздо просторнее.

– Хотите сесть у окна?

В голове не укладывалось, что он готов был уступить ей место. Вдобавок ее мучила совесть за то, что она считала его придурком. Ну что за день?

– Нет, все в порядке.

Энн старалась быть приветливой, хотя для этого объективно было слишком поздно. Шизофреничка в ободке из ромашек – это все та же шизофреничка, какой бы милой она ни притворялась.

Незнакомец не стал смущать ее лишними спорами и прошел на свое место. Оценила ли она этот жест? Нет, Энн нечаянно взглянула на его задницу.

«Блестяще, дорогая. Именно так мы благодарим знаменитостей за их вежливость».

– Простите меня, обычно я не такая скандальная, – наконец обратилась к нему Энн, защелкнув застежку на ремне безопасности.

Она готова была сквозь землю провалиться от стыда, но, к счастью или к сожалению, под ними было несколько километров свободного падения. Да и кресло оказалось слишком большим и комфортным, чтобы отказываться от него так скоро.

Уголки его полных губ снова приподнялись.

– Все в порядке.

Он был так спокоен, словно мог повторить эту фразу и в третий, и в четвертый раз, если потребуется. Ей бы его выдержку… Смахнув со лба внешней стороной ладони несуществующий пот, Энн уставилась на стоящее впереди кресло.

– И все же не стоило, – произнесла она тише, чем прежде.

– Это была моя идея, – напомнил он. – Кстати, я… я Эрик.

На мгновение мужчина запнулся, словно забыл собственное имя. Но его маленькая заминка была несравнима с тем коллапсом, что она устроила, закричав на весь самолет. Так что Энн не придала этому значения и с радостью ответила:

– Очень приятно, Эрик. Я Энн.

Эрик протянул ей ладонь для рукопожатия, но она ни за что не смогла бы к нему прикоснуться. Для такого ужасно нетактильного человека, как Энн, подобный контакт с незнакомцем являлся настоящим подвигом, а после недавнего происшествия она тем более не решилась бы на новые свершения.

– Извините, – вежливо отказала ему она.

Он убрал руку, не зацикливаясь на ее очередном всплеске безумия.

– Энн, – медленно повторил за ней Эрик, словно пробовал ее имя на вкус.

– Энн – как Энн Хэтэуэй, Хемсворт – как Крис Хемсворт, – неумело пошутила она, вытирая влажную ладонь о джинсы.

– Вы чем-то похожи на Энн Хэтэуэй.

Она не сдержала улыбки.

– Хорошо, что не на Криса Хемсворта.

– Нет, правда. Вы вылитая она, – не сдавался Эрик.

– Только рыжая и с веснушками?

– Одни плюсы, – парировал он.

Боги, скольких женщин у него получилось так соблазнить? Наверное, сотни, раз он еще и звезда.

– Часто снимаетесь в сериалах? – Энн увидела в синеве его глаз легкое замешательство, поэтому решила добавить: – Я не буду просить автограф, вас просто обсуждали пассажиры в аэропорту.

Его низкий смешок заставил ее сердце сделать совершенно ненормальный кульбит.

– Я не актер.

– Правда?

«Браво, второй позор за час, идем на рекорд».

Теперь уже все ее органы присоединились к импровизированному «Цирку дю Солей». От небольшой паузы перед его ответом внизу живота назревало как минимум сальто-мортале.

– Правда. Я окончил юридический и занимаюсь интересами короны.

Свита короля. Отлично, ей как раз нужно налаживать связи. Хотя… если все мужчины во дворце такие же горячие, как Эрик, даже фиктивный муж может начать ревновать.

Она много раз представляла, каким окажется наследник внешне. Разумеется, для их договоренности это не играло никакой роли, но вся эта секретность придавала его фигуре особый шарм и одновременно навевала тревожные мысли.

А вдруг он ненормальный? Какой-нибудь тип, что тайком убивает свиней в подвалах замка ради развлечения?

– А вы?

– Я экономист, – гордо ответила Энн.

– Серьезная профессия, – оценил он. – Зачем летите в Аурелию, если не секрет?

Секрета как такового не было: газетчики уже давно выведали дату бракосочетания. Судя по тому, как быстро новости попадали в прессу, во дворце явно имелся крот.

– Я буду на королевской свадьбе.

На бледном лице Эрика тут же пролегли тени. Энн была уверена, что это игра света от иллюминатора, но…

– И я, – сухо отреагировал он.

В обществе было не принято обсуждать сына Лукреция, но на правах его невесты Энн позволила себе маленькую дерзость:

– Жених нервничает?

– Вероятно, – как-то странно стушевался Эрик и оттянул пальцем воротник рубашки. – Я хотел бы немного поспать, если вы не возражаете.

Он будто убегал от темы, что немудрено. Чтобы так открыто интересоваться личностью будущего короля, нужно быть идиоткой. Как можно догадаться, вы по адресу.

– Конечно.

И на этом их уютная беседа завершилась, толком не начавшись.

Эрик отшил ее деликатно, но что-то было не так. Если он работал на корону, то, должно быть, подчинялся самому королю. Может, Эрик вообще не хотел, чтобы наследник женился? А ведь таких ненавистников у принца было немало. Народу не нравилось, что его лицо до сих пор никто не видел, а тут сразу такое важное событие, как свадьба. Лукреций Первый был стар, а по слухам, даже сильно болен, и все знали, что на престол мог взойти только его женатый наследник. Вынужденная мера, если подумать, но никто не любит перемены.

И все же в тоне Эрика было что-то такое, что заставило Энн насторожиться. Ей показалось, что он знал больше, чем говорил.

2
Город, где правит золото

Энн

Энн вышла из самолета одной из первых, но так и не поняла, как Эрику удалось практически мгновенно исчезнуть из ее поля зрения. Ей предстояла дорога во дворец, и на короткий миг она даже подумала признаться ему, что им по пути, но таинственный попутчик, сойдя с трапа, словно сквозь землю провалился.

В итоге Энн пришлось ждать свой чемодан в гордом одиночестве. Забрав багаж с ленты одной из последних, она все же не удержалась и подошла к панорамным окнам аэропорта. После нервного полета ей вдруг захотелось полюбоваться редким по красоте альпийским пейзажем, и она не прогадала: даже сквозь стекло он выглядел как ожившая картина художника. Белые вершины гор возвышались над горизонтом, а снег на них ослепительно сверкал в свете полуденного солнца. Она уже видела краем глаза цепь Альп из иллюминатора, но на земле они оказались еще выше, массивнее и могущественнее.

До этого дня Энн бывала в Эрариуме всего дважды – и то в детстве, когда отец приезжал сюда по деловым вопросам. Он в принципе нечасто брал ее в рабочие поездки, а самой Энн не нравилось летать на самолетах, так что она особенно и не настаивала. Теперь же Энн считала, что, возможно, отказывалась зря: здесь было просто волшебно.

– Мисс Хемсворт?

Среди гула пассажиров и громких объявлений Энн не сразу распознала собственную фамилию. На всякий случай она обернулась, будучи уверенной, что ей послышалось, но от увиденного сразу же взлетели брови.

– Добрый день, – слегка опешив, произнесла она.

Никто никогда не учил ее, как правильно разговаривать с полицейскими, тем более в чужой стране, тем более когда эта страна принадлежала ее будущему жениху.

– Нам передали вашу фотографию и распоряжение помочь вам с багажом, – объяснил подтянутый мужчина в форме и фуражке с козырьком.

Его более молодой напарник молчал, сложив руки на поясе, и сверлил Энн нечитаемым взглядом.

– Я… эм… – она посмотрела на свой чемодан, будто именно сейчас вспомнила о его существовании, – я уже забрала вещи.

– В таком случае позвольте проводить вас к выходу.

Учитывая, что она со дня на день станет принцессой Аурелии, такое внимание вполне укладывалось в допустимые рамки. Просто Энн не ожидала, что с ней начнут обращаться как с фарфоровой куклой с первых же минут пребывания в столице.

– Да, конечно.

Решив не спорить с полицией, она переложила сумку с плеча на чемодан и отступила на шаг. Мужчина коротко кивнул напарнику, и тот подхватил ее вещи так, будто это был мешок с гусиными перьями.

Наверное, ей не стоило смущаться и удивляться такому исходу событий, но Энн не могла не чувствовать себя белой вороной среди других пассажиров. Трудно было не ловить на себе любопытные взгляды, пока она шла к выходу в сопровождении двух полицейских. Все вокруг наверняка задавались вопросом, что такого могла натворить эта совершенно неприметная на вид девушка, если для ее задержания понадобились сразу два сотрудника правоохранительных

органов. Ее успокаивала только мысль о том, что они могли вообразить себе что угодно и никогда не попали бы в точку. Правда все равно оказалась бы безумнее любых, даже самых смелых теорий.

В принципе, в современном мире фиктивные браки считались почти вымершим форматом отношений. Мало кто женился ради выгоды или злого умысла; подобные схемы продолжали мелькать в жизни разве что знаменитостей. Звезды получали мгновенный и, что более важно, дешевый пиар, попадаясь папарацци на глаза рядом со скандальным партнером, но даже у них дело крайне редко доходило до свадьбы.

Энн прекрасно понимала, на какой риск шла, соглашаясь помочь королю обмануть всех этих людей. Да, она сделала это по настойчивой просьбе отца, но назойливый голос совести никто не отменял.

С одной стороны, Аурелия сама была виновата в своем положении. Не Энн придумала эти архаичные правила и устаревшие законы, что связывали руки демократическим институтам. Если бы в стране успели пересмотреть порядок престолонаследия или провели своевременную реформу до болезни короля, весь этот фарс стал бы попросту не нужен. Сейчас же любые изменения в конституции воспримутся народом и Королевским советом как шаткая попытка удержать власть в руках одной династии. Лукреций не мог просто выйти на балкон дворца и заявить, что его сын будет править этой страной во что бы то ни стало. Будущего короля следовало представить, а не назначить; показать его как состоявшегося мужчину, способного не только надеть корону, но и взять ответственность за всю страну. Его должны были увидеть собирающимся вступить в брак, чтобы исполнить древний завет основателей Аурелии.

С другой стороны, подписываясь на эту авантюру, Энн становилась главной героиней сумасшедшей трагикомедии, лицом откровенной лжи, аккуратно задекорированной традициями, но все же лжи. Да, у них уже был готов примерный план по разводу, но ничто не мешало обычным людям здесь вынести Энн свой личный приговор. По задумке, они расстанутся тихо, обоюдно и уже после того, как принц займет трон: по крайней мере, так обещал ей отец. Все должно было пройти без скандалов, без громких газетных заголовков и без лишних жертв. Просто подписи в документах – и каждый пойдет своей дорогой.

Отец говорил об этом спокойно, уверенно, словно речь шла об очередном деловом контракте, но он не мог знать, как все сложится на самом деле. Он никогда не умел просчитывать человеческий фактор и опирался исключительно на риски, проценты и сроки. Здесь они были похожи.

После ухода матери из семьи он вообще многое взял на себя. Не спрашивая никого и не жалуясь на судьбу, он пытался заменить ей маму, как только мог. Он делал все, чтобы Энн не чувствовала себя обделенной: работал больше, чем следовало; подстраивал жизнь под ее подростковые нужды; сглаживал углы там, где она могла бы пораниться.

И теперь, когда он впервые попросил ее о чем-то по-настоящему серьезном, Энн поняла, что никак не может ему отказать. Она выходила за будущего короля Аурелии не из чувства долга и не из страха навредить отцу, а потому, что хотела продемонстрировать, что у него получилось; что его усилия воспитать ее хорошим человеком не прошли даром; что все, что он делал после ухода матери, имело смысл. И если ради их маленькой семьи ей предстояло сыграть роль идеальной невесты для страны, которая цеплялась за свои древние заветы, она была готова.

– Вам туда, – прервал ее мысли полицейский, указав на черный тонированный «мерседес» с гербом короны на задней двери. – С сумками мы разберемся.

Она не думала, что двум местным полицейским могут понадобиться ее теплые вязаные носки и нижнее белье, поэтому без лишних споров приблизилась к автомобилю.

Стоило ей прикоснуться к ручке, как дверь сама открылась, пропуская ее внутрь темного кожаного салона. Опустившись на мягкое сиденье, Энн сразу же поняла, что ей помогла не автоматическая система в «мерседесе», а еще один пассажир.

– Здравствуйте, мисс Хемсворт, – мягко произнес мужчина, разглядывая ее из-под круглой оправы очков. У него были теплые карие глаза и идеально гладкая лысина. Он тщательно следил за отсутствием щетины, но морщинки на лбу и переносице все равно выдавали его возраст. Энн быстро прикинула, что незнакомец был примерно ровесником ее отца. – От имени его величества короля Аурена и Королевского золотого совета позвольте приветствовать вас в Аурелии, вашем новом доме, – добавил он, не изменяя тягучему, почти сладкому тембру, но Энн даже в банальном приветствии искала сейчас упрек. – Я Леонард Ауремонт, канцлер Совета и хранитель печатей короля.

Так, значит, юрист и, судя по фамилии, он из наследников основателей банков в Эрариуме; возможно, даже потомок одного из золотоискателей, которые основали эту страну. Если он занимался документами короны, то загадочный Эрик вполне мог на него работать.

– Можно просто Энн, я еще даже не принцесса.

Она резко вспомнила, что всей душой ненавидела официоз. Пусть здесь он и был неизбежен, Энн все равно хотелось оттягивать соблюдение любых формальностей как можно дольше.

Несмотря на небольшую заминку, Ауремонт почти сразу скрыл скепсис за теплой улыбкой.

– Боюсь, протокол не позволит мне обращаться к вам по имени, – ответил он и, не дожидаясь реакции Энн, легко постучал по спинке переднего сиденья.

Водитель уловил сигнал и, включив поворотник, плавно тронулся с места.

– Я знаком с вашим отцом, мисс Хемсворт, – добавил Леонард, отвернувшись к окну. – Том – хороший человек.

– Это правда.

А еще богач, который в числе немногих спас эту страну от страшного кризиса в прошлом своими инвестициями. Кажется, правительство было предвзято?

– Он будет на свадьбе?

– Конечно, вместе с моей мачехой и ее сыном.

Джерри Шарп был еще той занозой в заднице, зато у Энн наконец-то появился брат-задира, прямо как в классическом семейном ситкоме. Он много шутил и дразнил ее, а еще от его внимания невозможно было укрыться. Они увиделись впервые лично на свадьбе родителей, но потом Энн защищала очередной научный проект, а Джерри заканчивал обучение в Винтерсбруке и осваивался на работе в «Белом листе»[2], так что по-настоящему первый семейный вечер у них случился лишь около полугода назад, после чего Джерри пристал к ней как репейник.

– Это Том познакомил вас с нашим наследником?

Ауремонт резко повернул голову к ней, и Энн от неожиданности едва не забыла об их легенде.

– Да. Он гостил у нас дома. Так мы и сблизились.

– Теодора Аурена не видел никто из Совета.

Неожиданно. Энн была уверена, что хотя бы ключевые фигуры короны знали наследника в лицо.

– Но сегодня это изменится, не так ли?

[2] Винтерсбрук – элитная академия в Альпах; «Белый лист» – независимая международная газета; упоминаются в первом в цикле романе «Мгновения вечности».

Отец говорил, что пресс-конференцию покажут по телевидению и она состоится в день ее прилета. Все, что требовалось от Энн, – не смотреть на принца так, будто она встретила привидение.

– Мы все с нетерпением этого ждем. – Леонард взял паузу, будто раздумывал, имеет ли право спросить ее о нем. – А как давно вы узнали, что ваш парень – принц?

– Месяц назад, – легко солгала она.

– Испугались?

– Я не из пугливых.

А Леонард был не из болтливых, но Энн не привыкла к односторонним допросам, поэтому быстро перевела тему:

– Вам нравится Эрариум?

– Это лучший город на Земле, – с неприкрытым обожанием ответил Ауремонт. – У нас самые чистые озера в мире, идеальный воздух и кругом безопасно.

– Простите за прямолинейность, но ваша фамилия… Ваш предок – один из основателей города?

– Да, – не без горделивых ноток в голосе подтвердил Леонард. – Моя семья помогает Аурелии процветать уже несколько поколений подряд.

Многие называли Эрариум столицей банков, бездушным городом, из которого якобы бежала вся молодежь. Он казался слишком спокойным, ужасно вылизанным, почти стерильным. И все же даже самые ярые критики не могли не восхищаться его архитектурой: уютными каменными улочками, старинными мостами, зелеными набережными, будто придуманными итальянскими художниками.

Если бы Энн могла, она добавила бы этому городу немного шума и жизни. Но, честно говоря, это было далеко не худшее место для существования. Расположенная в самом сердце Европы и защищенная Альпами, Аурелия по праву считалась жемчужиной континента.

– Народ ждет нашей с принцем свадьбы?

– Безусловно.

– Король Лукреций видел меня, когда я была совсем маленькой. Думаете, он меня узнает?

Дружба ее отца с королем регулярно освещалась СМИ в прошлом, так что Энн не считала их личное знакомство секретной информацией. К тому же Леонард производил впечатление человека, который знал обо всех все. Обычно у людей с таким аналитическим взглядом в первую очередь брали интервью, когда миру грозила глобальная катастрофа. Может, все дело было в том, что умные люди в очках умели успокаивать.

– Король нечасто выходит к нам из-за приступов, но я уверен, что он будет рад увидеть дочь Тома Хемсворта. Возможно, ваше случайное знакомство с принцем было его замыслом?

Ауремонт смотрел вглубь, но в данном случае дно было так близко, что ему не пригодились бы даже его линзы с диоптриями, чтобы увидеть всю суть целиком. У короля и ее отца не было планов по сводничеству детей: они просто заключили сделку, чтобы обеспечить принцу легитимность. Никакой романтики, лишь прагматичный план. И так было лучше всего, ведь Энн никогда ни в кого не влюблялась.

– А вот и дворец Ауренов, – указал на окно Леонард, что было очень вовремя, потому что ее кислая мина совсем не вязалась с образом счастливой невесты.

Пожалуй, не заметить такое впечатляющее сооружение было попросту невозможно, даже если бы Ауремонт не подсказал ей, в какой оно стороне. Белокаменный замок с высокими башнями и резными шпилями, многоуровневые сады под его стенами и темная синева озера, разлитая у самого основания замка.

Когда машина заехала на мост, их начало немного трясти, но Энн физически не могла оторваться от этой картины. Она не играла в детстве в куклы, как многие, – ее фаворитами были мягкие игрушки и солдатики. Но если одной из ее Барби все же повезло бы избежать

погребения в мусорном ведре, Энн непременно умоляла бы отца купить для ее куклы именно такой дом.

– Не самый старый замок в Европе, но самый величественный, – прокомментировал ее красноречивое молчание Леонард, и она не могла с ним не согласиться.

Светлыми оказались не только стены замка. Внутри за высокими арочными дверьми их ждали полы из белого мрамора с золотыми прожилками, которые переливались под солнечными лучами, пуская зайчиков по таким же сияющим стенам.

– Мистер Ауремонт, вас уже ждет господин Данте, – с порога бросился к Леонарду дворецкий.

– Спасибо, а где миссис Лев?

– Я здесь!

Звонкий голос женщины прозвучал еще громче за счет сумасшедшего эха в коридоре.

– Мисс Хемсворт, это миссис Лев, – представил женщину Леонард, когда она остановилась возле дворецкого. – С этого дня миссис Лев – ваша главная гувернантка. Она объяснит вам, где вы будете жить, по какому распорядку и каких традиций необходимо будет придерживаться.

Стройная женщина с седыми волосами не выглядела радушно. Напротив, ее каре и строгий костюм подчеркивали лишь деловой стиль и профессиональную холодность. В детстве Энн выжила из дома с десяток подобных нянь, которых находил для нее отец, так что жесткой указкой ее было не сломить.

– Очень приятно, – выдавила она с показательным почтением.

– И мне.

– Тогда я вынужден вас оставить. Выход принца к прессе через несколько часов, – извинился Леонард и направился вдоль длинного коридора справа в неизвестном ей направлении.

Дворецкий пулей кинулся за ним.

– У вас тоже не так много времени, мисс, – обратилась к ней Лев. – Нам еще нужно вас переодеть.

В другой день Энн бы настояла на своей одежде, но никто не отменял пятно от пролитого сока на джинсах, которое даже в глазах слепого не выглядело бы как удачное дизайнерское решение. И это еще повезло, что после ее импровизированной стирки оно не бросалось ее новым знакомым в глаза.

– Меня не будет видеть публика?

– Нет. Вы и вся свита будете стоять за камерами, но нельзя выбиваться из толпы, – объяснила Лев и тут же щелкнула пальцами. Оказалось, к ним успел подойти еще один дворецкий, на этот раз с ее сумками. – Идемте.

Замок был огромен. Это стало ясно еще снаружи, но внутри масштаб поразил Энн окончательно и бесповоротно. Парадная лестница была исполинских размеров, а перила выглядели такими широкими и гладкими, что Энн не смогла не представить, какая бы из них вышла изумительная горка. В девять лет она бы уже неслась вниз с воплем, заставляя отца хвататься за сердце. В двадцать пять же ей пришлось ограничиться мысленным экспериментом. Но лестница была только началом. Десятки дверей, лестниц и коридоров, казалось, тянулись в самые разные стороны, будто местный архитектор решил проверить человеческую память на прочность, планируя все эти проходы. Пока Энн вели в ее покои, она отчаянно пыталась запомнить маршрут, но мозг честно сдался примерно на втором этаже и третьем повороте налево.

Конечно, она подозревала, что монархи, отвечающие за безопасность сбережений самых могущественных людей мира, живут неплохо. Но настолько… Слово «помпезность» утратило всякую ценность на фоне местных интерьеров.

– Вот мы и пришли.

Она едва не потеряла гувернантку, задержавшись у рыцарских доспехов. У них, кстати, вполне реально было бы стащить меч – никто бы даже не заметил.

– Отлично!

Лев открыла перед ней дверь, и Энн сразу увидела стены, обтянутые красным шелком с элегантным узором в виде ананаса, огромную кровать, шкафы, письменный стол и еще пару дверей в дальнем конце комнаты. От легкого головокружения ее отвлекла кошка, спрыгнувшая с покрывала и величественной походкой направившаяся прямо к ней.

– Это Марта. Дворцовая кошка, – пояснила Лев. – Мы сами не знаем, откуда она взялась, но она живет здесь уже давно.

Марта совершенно не походила на бродячую. Ухоженная и с белоснежной шерсткой, она выглядела так, будто ее лапы никогда в жизни не касались подвальных крыс. Она явно считала себя выше этого.

Благодаря милому созданию с характером впервые за несколько часов у Энн на лице появилась искренняя улыбка. Обычно она не питала слабости к животным, но в груди затеплился настоящий восторг, когда пушистая красавица попыталась потереться о ее ногу бочком.

– Ей будто нужно было лично вас встретить, – цокнула Лев. – Кевин, разберись, пожалуйста.

Энн не хотела, чтобы Кевин «разбирался» с Мартой, но благо дворецкий просто взял кошку на руки и закрыл дверь снаружи.

– Это только ваша комната. Сюда без разрешения не может войти никто из слуг и гостей дворца. Покои принца и короля дальше по коридору, я же ночую ближе к лестнице и вам, как установлено протоколом.

Кивнув, Энн моментально почувствовала себя на очередной лекции в университете.

– Ваш будущий супруг может войти сюда исключительно после свадьбы. Вы к нему тоже, и неважно, насколько близкими ваши отношения были до этого дня.

Ни о какой близости и речи не шло, но Энн снова промолчала.

– После свадьбы принц может вызывать вас на ночь. Он будет делать это через меня или мою помощницу. Когда он приходит к вам, вы обязаны ему открыть.

Звучало безумно патриархально – примерно так же, как заметка в старомодном журнале о врожденном умении женщины мыть посуду.

– Вы видели его? – рискнула спросить Энн, пока Лев не углубилась в разъяснения принципов первой брачной ночи.

– Кого? – удивилась гувернантка.

– Принца.

Красные губы Лев сжались, словно их хозяйка с трудом удержала рот на замке.

– Интересно, насколько Теодор был скрытен, – попыталась объяснить свое любопытство Энн.

– Принца Аурена не видел никто из слуг. Он навещает короля, скрывая лицо, и беседует с ним наедине, – отчеканила Лев, явно недовольная ее манерами.

Ну просто граф Монте-Кристо. Даже удивительно, что ее отцу посчастливилось лично увидеть наследника, когда тому было не больше пяти лет. Если что-то и могло убедить Энн в серьезности дружбы Лукреция Первого с ее отцом, то именно этот факт из их биографии.

– Ведущие дизайнеры Европы подготовили для вас наряды. Они в шкафу. Выберите любое скромное платье в пол и дайте знать, если понадобится помощь, – напоследок сказала Лев и, пробурчав себе под нос нечто похожее на «взбалмошная девица», покинула комнату.

Миссис «палка вместо позвоночника» не соврала насчет одежды. За первой же дверцей шкафа Энн обнаружила больше нарядов, чем носила за все время обучения в университете. Здесь были и сдержанные, почти аскетичные варианты, и платья из тканей, имитирующих зме-

иную кожу. Подруги с курса наверняка сошли бы с ума от туфель с красной подошвой, но Энн лишь прикусила губу, предвкушая предстоящую пытку.

Натягивая платья, прикладывая их к груди и оценивая цвета в зеркале, она чувствовала себя откровенно не в своей тарелке. Вероятно, Лев искренне считала, что будущая королева должна проводить все свободное время за изучением модных силуэтов, оттенков и тканей. Энн же куда охотнее разбиралась бы в цифрах, графиках и отчетах в офисе, чем мучилась вопросом, подходит ли ей оттенок бордо при дневном освещении.

Остановив выбор на изумрудном платье, Энн расчесала рыжие волосы и с удовлетворением отметила, что сочетание получилось безупречным, даже немного дерзким.

Часть вещей все еще лежала в чемодане, но она не хотела заставлять Лев ждать еще дольше. Они точно не поладят, просто Энн хотелось оставить о себе хотя бы неплохое первое впечатление. Так велели ей отец и книга о дворцовых манерах восемнадцатого века, которую Энн читала в метро по дороге в аэропорт.

– Отлично, – неожиданно прозвучал голос Лев прямо у ее плеча.

Подпрыгнув на месте, Энн судорожно прижала руку к груди. Ее личная надзирательница далеко не уходила и буквально караулила дверь в ее покои.

Ну что за клиника, господи.

– Куда дальше? – на выдохе спросила Энн в попытке привести дыхание в норму.

– Ждать журналистов.

Судя по едкому тону, Лев относилась к представителям прессы хуже, чем к Марте и даже к самой Энн. В каком-то смысле это успокаивало: журналисты вполне могли стать их общим врагом, а впоследствии и катализатором для сближения. Ну хорошо, речь шла не о дружбе, но хотя бы фундамент для сносных отношений построить было бы неплохо. Пусть слуги и не заходят в покои, если после свадьбы Энн с принцем будут вести себя совсем как чужие люди, поползут ненужные слухи.

– В зале ожидания пока лишь Королевский совет, – сообщила Лев, когда они спускались по очередной совершенно новой для Энн лестнице. – С мистером Ауремонтом вы знакомы. Мортен де Восс – глава Совета. Миранда Вонг – помощница Ауремонта, единственная женщина, отвечает за хранилища и банковскую структуру. Адриан Кальве возглавляет военный сектор.

От обилия имен у Энн сразу же начал плавиться мозг, поэтому она поспешно внесла их в воображаемую таблицу в голове, чтобы вернуться к ним позже.

– Что после этой комнаты? – только и успела спросить Энн, перед тем как Лев открыла дверь.

– Тронный зал.

Тронный зал?!

Ну конечно, где еще миру могли бы показать лицо наследника.

Энн сделала шаг вперед, и все голоса в ту же секунду стихли. Это помещение было больше похоже на полноценную гостиную, чем на прихожую или проходную зону: диваны и кресла стояли поверх толстых ярких ковров, а на стенах были изображены различные гербы старейших банков. Видимо, именно здесь люди обычно ждали личной аудиенции с королем; сейчас же тут были все, чьи имена Энн тщетно пыталась воспроизвести в памяти.

Она узнала лишь Леонарда, который кивнул ей, как только увидел.

– Это и есть наша новая принцесса? – поинтересовался высокий крупный мужчина в военной форме и с короткой стрижкой.

– Явно не принц, – осадила его женщина с янтарными, немного безумными глазами. – Принца нам уже показали.

– Господа, – прокашлялся самый старший из присутствующих. – Это Энн Хемсворт. Прошу любить и жаловать.

Вместо того чтобы скромно потупиться, Энн воспользовалась шансом, чтобы обвести пристальным взглядом всех членов Совета. Мысленно она начинала взвешивать, кто ей понравился больше, но все они скорее смущали.

– Мы уже, Мортен, – закатил глаза Леонард, и Энн поняла, что ее прямо сейчас представил сам глава Совета.

– Какой прекрасный день, – снова заговорил военный, и Энн зацепилась взглядом сначала за его строгий камзол, а затем и за безобразный шрам, который тянулся от правой брови к глазу. – Нас сегодня балуют приятными знакомствами.

Вопреки суровому внешнему виду, Кальве не выглядел пугающе и, кажется, старался быть дружелюбным.

– Я очень рада со всеми вами познакомиться, – поприветствовала она собравшихся. – Я…

Энн так и не успела рассказать о себе. Позади послышался скрип, и все члены Совета, как один, уставились на дверь, будто подчиняясь невидимому импульсу.

– Ваше высочество, – первый подал голос Мортен де Восс.

Пульс в ушах загремел с удвоенной силой, и Энн едва заставила себя повернуть голову. Она ожидала увидеть Лукреция Первого, но в метре от нее в великолепном королевском одеянии стоял молодой высокий брюнет, его наследник.

Сердце пропустило удар, а в руках появился легкий тремор. У нее была откровенно плохая память на лица, но эти синие глаза она не забыла бы даже после тяжелой амнезии.

Эрик не был юристом.

И человеком из свиты короля.

Даже случайным попутчиком в самолете.

Теперь он стоял перед ней как принц Аурелии и ее будущий муж, Теодор, черт его дери, Аурен.

– И снова добрый день, – поздоровался бывший Эрик с Мортэном и наконец опустил глаза на нее.

Энн готова была топнуть ногой от возмущения, сорваться с места и громко хлопнуть дверью прямо перед его наглым носом, и только ласковое «привет», произнесенное вкрадчивым шепотом, удержало ее от непоправимой ошибки.

3
Его высочество Теодор Аурен

Тео

Тео впервые видел настолько мастерски скрытый гнев. Энн наконец поняла, что он обманул ее, когда представился в самолете чужим именем, но по-прежнему не сказала ни слова.

Умница.

Все члены Совета пристально наблюдали за ними, и большинство даже не пыталось сохранить при этом профессионализм. Мортен смотрел на них, как любопытный старик, каким он, по рассказам отца, и являлся, Миранда безуспешно выказывала безразличие, криво изображая из себя светскую львицу, и только Кальве и Ауремонт оставались внешне абсолютно невозмутимы.

– Позвольте нам поговорить наедине, господа, – обратился он к ним, нехотя разорвав зрительный контакт с Энн.

– У вас десять минут, – напомнил ему Леонард Ауремонт, и весь Совет послушно отправился за дверь.

Хотя отец делился с Тео всеми подробностями об этих людях, личная встреча с ними состоялась только сегодня днем. Скрываться до последнего было откровенно лишним, но Лукреций был до безумия запуганным королем с непростым характером, который предпочитал перестраховаться везде, где только возможно. Так что подобное шоу идеально отвечало духу его правления в последние годы. И Энн… То, что Тео заранее даже не видел лица своей невесты, было не что иное, как очередное испытание от его добросердечного папочки.

– У нас мало времени, но я попробую все объяснить, – заговорил Теодор, как только они остались наедине.

Энн лишь сильнее прищурилась. Что ж… Она явно не растерялась и не расстроилась, просто разозлилась, что было в какой-то степени достойно уважения. Если бы его выдавали замуж за принца-анонима, который успел наврать с три короба еще до официального знакомства, он пришел бы в настоящий ужас.

– Я не Эрик, – начал Тео с очевидного.

Энн поджала губы и продолжила сверлить его из-под бровей тяжелым, недобрым взглядом.

– В самолете я не сразу понял, что ты моя невеста. Я просто услышал женский крик, увидел твоего соседа в дурацкой футболке. Ты рванула в туалет так, будто за тобой кто-то гнался. – Тео устало провел ладонью по лицу. – Хемсворт – довольно распространенная фамилия, и я не слышал раньше твоего имени… Господи, ладно. Я понимаю, что повел себя глупо. – Он выдохнул и посмотрел на нее прямо. – Но что теперь?

– Не знаю, – повела плечами Энн. – Можешь попробовать выйти из комнаты и зайти обратно.

Теодор настолько опешил, что не сразу понял, что она шутила.

– Я, вообще-то, рассчитывала влюбиться в своего фиктивного жениха с первого взгляда, – пояснила Энн. – Попробуй еще раз.

Боже.

Он не удержался и издал тихий смешок. Ему явно с ней повезло: никаких истерик, никакого выяснения отношений. Она была умна, прагматична и обладала неплохим чувством юмора – на первый взгляд лучшая кандидатура в невесты принца. Часть неподъемного груза,

который взвалили на него в связи с будущей свадьбой и коронацией, испарился сам собой. Тео хотя бы на мгновение позволил себе вдохнуть полной грудью.

– Смеешься, – заметила Энн с лукавой ухмылкой. – Значит, шутка засчитана.

– Определенно, – кивнул Тео, на секунду опустив взгляд в пол. – Просто предупреждаю: если я выйду и зайду сюда снова, Совет решит, что их принц спятил.

– Любовь могла вскружить тебе голову, – парировала она.

Им бы лучше так и думать. Брак был фиктивным, но в курсе махинации были только они с Энн и их отцы. Чтобы передача престола прошла безопасно, все должно было выглядеть максимально естественно: как бы Тео ни хотел избежать лжи, каждый угол дворца был пропитан интригами задолго до его рождения. Аурены удерживали власть веками, однако даже самую древнюю монархию можно было поджечь одной неосторожно брошенной спичкой. И к сожалению, Теодор прекрасно знал, что в кармане у его отца лежал целый коробок таких спичек с жидкостью для розжига в придачу.

– Не переживай, – не дождавшись ответа, успокоила его Энн. – Они все равно думают, что я здесь ради титула или денег. Им нет дела, насколько искренне мы держимся за руки.

– И все же какое у тебя было первое впечатление обо мне?

Она думала, что он известный актер, и Тео это даже понравилось. Он любил привлекать внимание девушек и готов был флиртовать и с Энн, если бы она не заговорила о свадьбе и пазл у него в голове не сложился. Хемсвортов, может, и было много, но тех, кто летел в Аурелию с приглашением на бракосочетание, было намного меньше. Всего парочка, если быть точным.

– Теперь я понимаю, откуда все эти манеры, – туманно высказалась Энн. – Ты повел себя как истинный джентльмен, но я на такое не покупаюсь.

Черт. Эта девушка однозначно не была похожа на тех, с кем он обычно встречался. И пока Тео не мог определить, шли ли эти отличия на пользу их сделке.

– Больно, – ответил он, приложив ладонь к груди. – Я ведь принц, должен уметь очаровывать.

– К счастью… – Энн вдруг сделала шаг ближе и внимательно осмотрела его парадный мундир. Тео показалось, что она вот-вот коснется золотого плетеного шнура, который тянулся от его плеча, но она так и не подняла руку. – Тебе не нужно меня очаровывать.

Ему пришлось опустить взгляд, чтобы поймать ее глаза. С такого расстояния их разница в росте стала ощутимее и… интимнее. Теодор представил, что, если бы они обнялись, ее макушка легла бы ему точно под подбородок. И это с учетом того, что она носила каблуки. В смысле… Неважно, как бы это было. Простое наблюдение.

– Это не мешает мне пытаться, – ляпнул он не подумав, но быстро исправился: – Вернемся к началу? Нам пригодится научиться говорить правду.

Ему повезло, и Энн сделала вид, что не заметила его неосторожную попытку ее соблазнить.

– Опасное предложение для будущего короля, – заметила она, и ее взгляд скользнул по его губам. – Честность плохо сочетается с короной.

– Зато хорошо сочетается с фиктивным браком, – продолжил убеждать ее Тео. – Нам все равно придется друг другу доверять. Или очень старательно делать вид.

Энн на секунду задумалась, прежде чем снова создать между ними приличную дистанцию:

– Ладно. Тогда начнем сначала.

– Я Теодор Аурен. – Он слегка склонил голову, но ладонь протягивать не стал. Была причина, по которой Энн не пожала ему руку в самолете, и Тео не относился к тем мужчинам, кто игнорирует тревожные звоночки.

– Энн Хемсворт, – ответила она и дразняще добавила: – Которая все еще не в восторге от происходящего.

– Честно, – одобрил ее комментарий Тео. – Уже лучше, чем я ожидал.

– Не расслабляйся, – улыбнулась Энн, и в ее карих глазах стало гораздо больше зеленого. – Я еще могу передумать.

– Вот это как раз и пугает больше всего.

Их милую беседу прервал настойчивый стук в дверь. Теодор и без подсказок помнил, что до встречи с журналистами оставалось всего ничего, но отчаянно оттягивал этот момент.

Двадцать четыре года он жил как обычный человек, и никто даже близко не связывал его имя с королем Аурелии и несметными богатствами. Тео мог только представить лица приятелей из университета, когда те увидят вечерние новости. У них и так была полароидная фотография, на которой он в трусах сидел на подоконнике с гитарой, а теперь будет еще и видео с ним в королевском мундире на проклятом троне.

Честно говоря, он не совсем лгал Энн. Все это время он действительно был Эриком, и Эрик, раз уж на то пошло, нравился ему куда больше, чем Теодор. У Эрика была жизнь без протоколов и обязательств: он мог ошибаться, влюбляться, как последний идиот, проваливать экзамены, забегать за молоком в индийскую лавку на углу. С Эриком дружили, его называли душой компании – и все потому, что он был смешным и легким на подъем, а не потому, что это было геополитически выгодно.

Взрослеть в принципе дерьмово.

Но надевать корону, которая весила как тонна тюремных кандалов, – уже за гранью выносимого.

– Попросить их войти? – спросила Энн.

Ее голос заставил его моргнуть и вынырнуть из наваждения.

Проклятье. Она ведь тоже была здесь из-за него. И из-за сделки, заключенной их отцами. Может, Том Хемсворт и был близким другом короны, но его дочь не обязана была расплачиваться за это несколькими годами своей жизни.

Почему она вообще согласилась?

И почему мысль о том, что ей придется пройти через все это вместе с ним, вдруг приятно сжала грудь? Ему нужно было как можно скорее избавляться от этой иллюзии напарничества. Если бы он захотел выкопать себе яму поглубже, то, конечно, мог бы вплести в дворцовые интриги Энн, но это причинило бы ей одну только боль. К несчастью, его доверие к людям всегда было слишком велико. Рановато было доставать лопату, но на всякий случай он бы все-таки распорядился убрать подальше все садовые инструменты во дворце.

– Войдите! – приказал он Совету, не отрывая взгляда от россыпи веснушек у нее на щеках и у основания носа.

– Представители «Би-би-си» уже прибыли, мы можем начинать, – сообщил ему Мортен де Восс.

– Да, приступим, – выдохнул Тео и в последний раз кивнул Энн, перед тем как первым отправиться в дожидавшийся его годами тронный зал.

Высокие своды потолка подхватывали каждый шаг их небольшой процессии и возвращали его звучным эхом, а на белый камень стен и пола падали тени от ярких фиолетовых витражей. Тео двигался в сторону золоченого герба Ауренов: подвешенный между колонн у дальней стены, он словно завершал композицию, центром которой был роскошный широкий трон с массивным обрамлением.

Тео прикасался к нему лишь раз – когда отец, посадив его к себе на колено, рассказывал об их великих предках. Они все поголовно были прокляты золотом, все боялись за свою власть, но Лукреций оказался первым, кто додумался спрятать собственного сына от подданных, чтобы уберечь его от интриг. Теодора воспитывали няни, подписавшие строжайшие и самые абсурдные договоры в истории юриспруденции, а затем он учился в Винтерсбруке, как полагается ребенку благородного происхождения, но с четкой установкой никогда не говорить

о том, кем он являлся на самом деле. Самые счастливые годы Тео провел в Оксфорде, где, за исключением нескольких дней в месяц, он чувствовал себя обычным человеком.

И теперь, поднявшись на ступень по бархатному ковру, Теодор будто хоронил себя прежнего. Он замедлял шаги настолько, насколько мог, но не хотел выглядеть колеблющимся.

Совет остался недалеко за его спиной, и Энн тоже была с ними, потому что так велел его отец. Все в этой стране делали только то, чего желал он, и Тео не был исключением.

Наконец он повернулся к ним лицом и, по прихоти Лукреция сев на мягкую подушку трона, смело поднял подбородок.

Повисла гробовая тишина, которую разрушил лишь восхищенный вздох Мортена де Восса. Старик стоял во главе Совета столько же, сколько правил его отец, и он однозначно был горд за следующего Аурена на троне. Но Тео знал больше, чем Мортен показывал. Одна болтливая гувернантка уже поведала ему, что де Восс сомневался в способности юного принца справиться с такой ношей и регулярно созывал Совет, чтобы обсудить свои опасения.

Все четыре избранника народа были пронырливыми животными, и они крутились вокруг золота Аурелии, как хвостатые крысы вокруг мусорного бака. Кто-то желал поживиться больше, кто-то меньше, но они все, по словам отца, они были преданы короне, только пока Лукреций угрожал им мышьяком.

– Сколько у нас времени? – спросил он, глядя на Леонарда.

– Минута, – ответил Ауремонт и деловито поправил очки.

Это были самые невыносимые шестьдесят секунд в его жизни. Теодор прекрасно подготовился – он понимал, что именно должен был отвечать журналистам и почему, – просто ему хотелось, чтобы рядом был кто-то способный его поддержать. Отец не мог позволить себе спуститься сюда и пройтись бледной тенью прямо перед десятками камер, но Тео надеялся, что хотя бы мысленно он сейчас был с ним.

Наконец два стража в церемониальных кителях синхронно распахнули парадные двери, и Теодор едва заметно сглотнул.

Тронный зал резко наполнился гулом голосов и вспышками камер. Половина журналистов даже не пыталась соблюдать этикет и сию же секунду хищно кинулась обсуждать его внешность.

– Господи, какой он красавчик!

– Денни, ты должен мне двадцатку!

– А Лукреций не мог свалить с трона пораньше?

– Господа! – перебил их Мортен. – Как мы и договаривались, микрофон передается тому, кто поднимет руку, в порядке очереди. Принца вы можете снимать все отведенное время без ограничений.

Операторы тут же бодро водрузили свои «пушки» на тяжелые штативы, а руки журналистов одномоментно взметнулись в воздух. Дворецкий, которому предстояло подавать микрофон, заметно занервничал, испугавшись их энтузиазма, и растерянно огляделся по сторонам. Благо оказавшийся рядом Леонард нашел, что шепнуть парню, чтобы тот собрался с силами.

Тео старался не запоминать лица стервятников, не фиксировал внимания на их жадных до сенсаций глазах. Вместо этого он позволил себе найти взглядом Энн, которая стояла прямо за Кальве, и ощутимо расслабился, когда увидел ее легкую улыбку. Если она, ничего не понимающая в королевском этикете, лишенная даже самых примитивных знаний о том, как работала корона и Совет, чувствовала себя комфортно и уверенно, то и он не должен был сплоховать.

Взмахом руки он дал команду Мортену и сжал подлокотники трона.

Де Восс неторопливо вышел вперед и остановился прямо перед ним. Он не поднялся ни на ступеньку выше, публично демонстрируя свое положение перед истинным хранителем власти. Официально Совет был выборным органом, не имевшим права принимать решения без

одобрения короля. Лукреций проделал немало работы, чтобы в демократическом мире Ауреля сохранила реальную власть короны, и нехилая доля проблем у них была сейчас именно из-за его спорных решений в последнее десятилетие.

Мортен подождал, пока последние шорохи стихнут, а операторы наведут фокус на него. В отличие от Тео, он умел работать с журналистами и паузами: тишина в его исполнении всегда звучала убедительнее слов.

– Дамы и господа, – обратился к присутствующим он ровным, хорошо поставленным голосом, – от имени Королевского совета благодарю вас за присутствие во дворце Ауренов.

Де Восс обвел зал спокойным взглядом, будто пересчитывал не собравшихся журналистов, а потенциальные заголовки.

– Сегодня вы стали свидетелями события, которого Аурелия ждала очень давно. Его королевское высочество, принц Теодор Аурен, впервые официально предстает перед прессой и гражданами страны.

Девушка с каре в первом ряду как-то странно улыбнулась Теодору, и тот поспешно отвел от нее взгляд.

– Мы понимаем ваш интерес и готовы ответить на все вопросы, – продолжил Мортен, – но прошу соблюдать порядок и нормы. – Он выдержал паузу, давая сказанному осесть в умах толпы, и напоследок добавил: – Прошу помнить, что вы находитесь во дворце и перед вами наследный принц.

С этими словами Мортен отступил на шаг в сторону, освобождая пространство перед троном. И только тогда Тео в полной мере почувствовал направленные на него заинтересованные лица и бездонные объективы камер.

От барабанного соло в ушах он едва не оглох.

– Здравствуйте! Надин Кляйн, газета «Шпигель», – прорезал воздух уверенный голос пожилой журналистки, и Теодор почти физически почувствовал, как сердце ускоряет темп.

Он расправил плечи и перевел взгляд на нее. Конечно, Тео потратил немало времени, репетируя, как должен беседовать с прессой, но он всегда делал это исключительно перед зеркалом и теперь не мог успокоить внутреннюю дрожь, пробравшую его перед реальными журналистами.

– Добрый день, – ответил он запоздало, из последних сил демонстрируя внешнее спокойствие, которым в действительности даже не пахло. – Рад вас видеть.

Женщина улыбнулась ему без какого-либо подвоха.

– Ваше высочество, – обратилась к нему она, – вся Аурелия – да что там, вся планета – ждала этого момента. Что вы чувствуете, впервые выходя к прессе как наследник престола?

Хороший вопрос – и достаточно безопасный.

– Ответственность, – сказал он. – И благодарность за терпение и за доверие народа.

Тео немного лукавил: никакого доверия у граждан он пока не вызывал, но зато журналисты дружно заскользили ручками по блокнотам.

– Дюк Райс, «Гардиан», – перехватил микрофон темноволосый мужчина средних лет. – Вы долго оставались вне публичного поля. Почему?

У журналиста хватило совести не уточнять, что сподвигло Тео выйти в свет. Может, было достаточно слухов о болезни его отца, а может, все присутствующие понимали, что он все равно ничего не подтвердит и не опровергнет.

– Спасибо за вопрос, мистер Райс. – Теодор постучал пальцами по подлокотнику, размышляя, как бы ответить так, чтобы не выдать лишнего. – Отец хотел уберечь меня от влияния дворца. Он желал, чтобы я вырос как обычный человек, чтобы я мог самостоятельно жить и развиваться. Это позволило мне приблизиться к народу, стать приземленнее. – Он ненадолго замолчал, но все же решил не умалчивать о последствиях: – Я долгое время не понимал, почему

меня прячут, но со временем осознал, что тоже не хочу, чтобы мои дети росли только в окружении свиты.

Краем глаза Тео заметил, как Мортен кивает ему в знак поддержки, и позволил себе немного выдохнуть. Де Восс одобрил его версию событий, хотя правда в ней прозвучала лишь частично. В реальности же Лукреций руководствовался скорее страхами за жизнь и здоровье своего единственного наследника.

– Кристина Кинг, «Файненшел таймс».

На этот раз микрофон оказался у той самой девушки, что старательно строила ему глазки с самого начала пресс-конференции. Она была весьма симпатичной: обтягивающее строгое платье, длинная изящная шея и цепкий взгляд. В другой день Тео бы ни за что не упустил шанса познакомиться с ней поближе.

– Вы упомянули, что росли вдали от отца. Кого вы считаете своим авторитетом? И позвольте еще один вопрос. – Увернувшись от дворецкого, Кристина продолжила: – Ваши друзья из обычной жизни – что бы вы хотели им сказать?

Стоило догадаться, что внешность обманчива. Кристина Кинг явно относилась к категории стервозных журналисток, которые не боялись переходить на личные темы, желая подобраться поближе к пикантному заголовку.

– Мисс Кинг, у нас с вами есть что-то общее, не так ли? – элегантно уколол ее он, вызвав смех у других журналистов[3]. – По поводу авторитета: мой отец всегда был и остается главным человеком в моей жизни. Несмотря на то что я жил вдали от дома, я часто приезжал во дворец, и мы проводили достаточно времени вместе.

Недостаточно для отца и сына, но Теодор часто противился их встречам сам. Его воротило от всего, что было связано с короной, и каждый раз, оказываясь здесь, он словно надевал маску не по размеру. Не тот разрез глаз – вокруг становилось темно; нет отверстия для улыбки – а Тео любил веселиться. Под этой маской его настоящее лицо оставалось невидимым: он скрывался за личностью принца, как вор в чужом доме, стараясь не выдать себя лишним движением.

– Что касается моих друзей, я намеренно не заводил крепких связей, потому что не хотел лгать. Приятелям же я бы сказал… – Тео облизал губы и сглотнул, перебарывая першение в горле. – Мне жаль, что я не мог признаться раньше.

Казалось, Кристина готова была аплодировать его искреннему ответу. Главное, чтобы она не сочла его слабым: отец велел ему строже общаться с такими журналистами, но в итоге у него не получилось. Не получилось быть таким же, как он, что совершенно неудивительно.

– Джерри Шарп, газета «Белый лист».

Крупный рыжий парень за камерой справа сильно выделялся среди обычных щуплых журналистов. Тео не составило труда обнаружить его в толпе.

– Ваше высочество, расскажите нам про вашу скорую свадьбу. Кто эта загадочная избранница?

Голубые глаза Джерри сияли таким любопытством, что даже лучи закатного солнца, которые били прямо в витражные стекла, не смогли их затмить. Жаль, что Теодору нечем было порадовать журналиста из «Белого листа».

Как Тео вообще описал бы человека, с которым познакомился только сегодня? Он мог опереться лишь на то, что почувствовал в тот самый момент, когда впервые ее встретил. Эти мгновения зачастую оказываются самыми правдивыми, поэтому, поразмыслив, он не нашел в своей оценке ничего предосудительного.

– Ее зовут Энн. – Теодор намеренно опустил фамилию, так как не был уверен, что пора ее оглашать. – У нее длинные рыжие волосы и самые милые веснушки, какие я только видел. Она

[3] Кинг – король *(англ.)*.

экономист и удивительно прямолинейна. – В животе разлилось тепло, но он упрямо игнорировал волнение и почти болезненное желание посмотреть на нее прямо сейчас. – Я скоро представлю ее вам. А что касается нашей свадьбы… Такого праздника Аурелия явно не ожидает.

Он услышал мечтательные женские вздохи и заметно успокоился. Жаль только, наслаждение от удачного ответа длилось недолго.

– Гаррет Маккензи, «Политико». Как вы можете прокомментировать недавнюю волну агрессии в прессе, где вас называют бастардом?

Стоило Тео услышать слово «бастард», как волна ужаса накрыла его с головы до пят и следом захлестнула все окружающее пространство. В пелене паники стерлись стражи, совет, Мортен, Энн и журналисты с их массивными камерами. Он видел перед собой лишь серую мглу, которая затягивала его, будто огромная воронка, появившаяся в центре тронного зала. Пальцы невольно сжались; Тео вдавил их в обивку кресла до побеления костяшек, пока пытался удержать себя на месте.

Дыхание спотыкалось каждую секунду, а кончики ушей похолодели так резко, что он почти физически ощутил этот контраст с разогретой донельзя головой, которая гудела, словно большой чугунный чайник.

Безусловно, Тео подозревал, что этот вопрос прозвучит если не сегодня, то завтра. Подобные слухи ходили уже давно; они успели настояться и породить десятки сумасшедших теорий. Отца годами обвиняли в изменах, причем иногда из-за страха – шепотом, а иногда из-за ощущения безнаказанности – вслух, прямо при нем. Ситуация обострилась, когда умерла королева, причем она покинула короля сразу после рождения Тео. Все утихло лишь тогда, когда его, еще младенца, спрятали от глаз народа, но после недавних новостей о болезни короля слухи поползли вновь.

И даже несмотря на то, что это было предсказуемо, ему все равно стало больно, потому что он действительно был бастардом. А его свадьба с Энн – разряд дефибриллятора, который должен был запустить сердце монархии, что уже начинало сдавать. Это был последний способ оказаться на престоле легитимным преемником до того, как все пойдет прахом.

– Пресс-конференция окончена! – грозно объявил Мортен, выждав ранее обговоренную с Теодором минуту.

Именно столько он должен был молчать, чтобы глава Совета вмешался.

Гребаный позор. Отец теперь точно оторвет ему голову.

Тео даже не стал смотреть на то, как стража и дворецкие выводят взбунтовавшихся журналистов. Он закрыл глаза и прислонился к спинке трона, представляя себя где угодно, кроме этого помпезного зала. Столовая в Оксфорде, теплица в Винтерсбруке, закусочная в Лондоне на Ковент-Гарден.

– И почему я не удивлен?

Открыв веки, Теодор с сожалением обнаружил перед собой отца. Лукреций Первый уже несколько лет ходил с тростью: когда-то мощный мужчина ростом под два метра превратился в типичного сгорбившегося старика, однако для семидесятилетнего, загнанного в угол короля он говорил все так же уверенно и складно, назло многим своим недоброжелателям.

Печально, но Тео нуждался в нем раньше, а после ухода журналистов он бы предпочел поддаться самобичеванию наедине с самим собой.

– Я твое разочарование, можешь не напоминать, – буркнул Тео и поднялся с трона, чтобы сбежать по лестнице вниз.

– Ты ошибаешься, – возразил Лукреций и сцепил челюсти.

– Ты что, не слышал, как я тебя опозорил?

Теодор уже представлял себе завтрашнюю первую полосу: «Династический кризис в Аурелии: Лукреций Первый пытается посадить на трон сына-бастарда. Что еще придумает безумный король перед смертью?»

– Я слышал все, что ты сказал. У задней стены зала полая ниша.

Серьезно? Как в «Игре престолов»? И после этого отец удивлялся, что у них во дворце завелся предатель? Это то же самое, что рассыпать на балконе хлебные крошки и надеяться, что туда не прилетят голуби.

– Отлично. Тогда с твоего позволения я обойдусь без повторений.

Теодор обошел его, чтобы направиться к выходу, но отец ни за что не позволил бы ему вот так просто избежать разговора.

– Перестань вести себя как мальчишка! – закричал он и ударил тростью по мрамору. – Ты будущий король, а не сопляк!

– Мне не нужна твоя корона! – неожиданно для самого себя вспылил Теодор.

Он пробыл во дворце меньше суток, но нервы уже начали сдавать. И ведь всем было абсолютно плевать на то, что творилось у него внутри; даже родной отец напрочь проигнорировал его эмоциональный всплеск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.